

Глава 18. Прятки на бумаге (9)

Полнолуние, густой туман и истошный вопль.

Белесый диск луны бесследно растворился в плотной мгле, а далекий пронзительный крик сделал эту ночь по-настоящему зловещей. Е Сы и остальные даже не думали выйти на улицу. Страх мертвой хваткой вцепился в их сердца, заставив оцепенеть.

Шумное, веселое оживление, царившее за ужином, мгновенно испарилось. Столовую затопила такая глухая тишина, что в ней отчетливо слышался стук чужих сердец. Люди испуганно переглядывались, судорожно сглатывая застрявший в горле ком. Предыдущие кошмары еще не успели изгладиться из памяти, как на них обрушилась новая беда.

— Надо пойти посмотреть, что там... — чей-то слабый, неуверенный голос нарушил молчание.

Никто не шелохнулся. Все взгляды устремились на режиссера: уж кто-кто, а он должен был лучше всех знать местные запреты. В памяти присутствующих мгновенно ожила недавняя трагедия, когда парень из службы снабжения выбросился из окна, и липкий, копившийся днями страх новой волной подкатил к горлу.

Раздался резкий стук — кто-то от нервного напряжения задел рукой стакан. Оцепенение спало.

— Идем все вместе! — режиссер поднялся со своего места во главе стола и обвел тяжелым взглядом съемочную группу.

Е Сы чувствовал, как воздух вокруг сгустился от напряжения. Но это была не та мертвенная тяжесть, которая обычно предвещала появление призраков. Сейчас им двигало иное чувство — зыбкое, едва уловимое предчувствие. Интуиция — вещь иррациональная, лишенная всякой научной логики.

Однако с тех пор как он переродился в этом теле, именно предчувствия вкупе со знанием правил игры в прятки не раз спасали ему жизнь. В первом мире, в заброшенной гостинице, его сразу насторожил угловой номер в конце коридора. Если бы не былые изыскания о запретных действиях в таких комнатах — правилах, которые остальные с легкостью нарушили, — исход был бы иным. Тогда Е Сы, преодолев неловкость, упросил учителя-руководителя поменяться комнатами. Сделай он иначе, и среди тех, кого увозили на скорой между жизнью и смертью, непременно оказался бы и он сам.

Тогда он впервые осознал: составленный когда-то ради забавы свод правил игры в прятки действительно работает.

Во втором мире он ощутил точно такую же удушливую угрозу, какая исходила от угловой

комнаты. Поддавшись страху, он попытался уйти первым, но секундная заминка, пока машина высаживала его, привела к страшной аварии. Автомобиль разбился вдребезги, унеся жизни всех пассажиров. Получив шанс переиграть все заново, Е Сы, несмотря на ужас, не стал настаивать на высадке, и трагедии удалось избежать. Ему казалось, что его предчувствие исчерпало себя на этом происшествии — пока они не добрались до деревни Ли. Ведь на самом деле местный «Е Сы» должен был погибнуть именно там.

Е Сы оставался собой, но в то же время был совершенно другим человеком. Он сохранил прежнее имя, явившись из первоначального мира, и уже дважды занимал место двойников в иных реальностях, фактически заменяя самого себя.

В мире нет двух абсолютно одинаковых листьев, как нет и одинаковых людей. Прежний Е Сы разделял с ним имя и внешность, но иное окружение сформировало другой характер и судьбу. Местный Е Сы рос сиротой, не имел друзей, а любовь для него оставалась чем-то недостижимым. В нынешний стремительный век, когда все вечно куда-то спешат, завязать искренние отношения непросто. Если бы на его месте оказался настоящий здешний парень, финал его истории был бы предсказуем.

Смерть стала бы его единственным пристанищем.

Единственной ниточкой к нормальной жизни для него были коллеги-сверстники на новой работе. Страстно желая влиться в коллектив, прежний Е Сы без колебаний согласился бы на предложение пойти ночью в Храм Ланьжо. И тогда список жертв пополнился бы третьим именем. Лишь благодаря глубокому пониманию законов мистики и обостренному чутью пришельцу из другого мира удалось уцелеть.

Он выиграл эту смертельную партию в прятки, хоть победа и далась ему вопреки всем законам логики.

Поэтому, когда режиссер двинулся вперед, а вслед за ним пошел и Дай Чжэ, Е Сы тоже направился к источнику крика.

Остальные члены группы в нерешительности переглянулись. Смертельный страх сковывал ноги, но оставаться в одиночестве пугало еще сильнее. Едва фигуры первой троицы скрылись за поворотом коридора, толпа испуганно бросилась догонять их.

Режиссер, пересилив дрожь, толкнул тяжелую дверь.

— Что стряслось? — хрипло спросил он, судорожно сглотнув, чтобы хоть немного смочить пересохшее от волнения горло.

Находившиеся в комнате люди были бледны как полотно, но, кажется, никто не пострадал. Все они, словно замороженные, застыли в одной позе, в ужасе уставившись в дальний угол.

В тусклом свете мертвенно мерцал монитор компьютера, приковывая к себе всеобщее внимание.

На экране крутилась рабочая запись последних съемочных дней. Окно программы видеомонтажа — Е Сы сразу заметил характерный значок с маленькими ножницами — было развернуто на весь дисплей. Похоже, сотрудник как раз собирался приступить к нарезке кадров.

Сам монтажер стоял поодаль, замерев с перекошенным от ужаса лицом.

На застывшем кадре красовался Брат Хань. Эту сцену помнили все: сразу после команды «снято» на актера едва не рухнула тяжелая декорация, так что инцидент врезался съемочной группе в память.

Но сейчас на записи проявилось нечто совершенно необъяснимое.

Сразу за спиной Брата Ханя стояла женщина с длинными, до самого пояса, волосами. Ее голова была опущена так низко, словно подбородок прижимался к груди. В съемочной группе отродясь не водилось подобных актрис, да и во время съемок этой сцены на площадке находились десятки людей — никто никакой посторонней женщины там не видел.

— Да кто это вообще?! — выкрикнул кто-то дрожащим голосом.

Паника подступала к горлу. Люди были настолько взвинчены предыдущими происшествиями, что любая, даже самая мелкая странность грозила стать искрой в пороховой бочке и окончательно свести их с ума.

— Да это просто мираж! — воскликнул Брат Хань. Привычная маска невозмутимости и благородства на его лице дала трещину. Пытаясь успокоить столпившихся людей, он выдавил из себя бледное подобие улыбки. — Обычное оптическое явление, вызванное преломлением света в воздухе. Камера просто зафиксировала какую-то световую иллюзию.

Договорив, он стремительно подошел к столу и решительно захлопнул крышку ноутбука.

— Ну да, мираж... Бывает такое, я читал, — закивали остальные.

Несмотря на щемящую тревогу, люди судорожно цеплялись за любое, даже самое нелепое объяснение, лишь бы заглушить нарастающий ужас. Они натянуто перешучивались, пытались убедить себя и соседей, что все в порядке.

Но Е Сы не поддался всеобщему самообману.

Он не любил лгать самому себе. К тому же он видел гораздо больше остальных: если те разглядели бледный силуэт лишь на цифровой записи, то Е Сы уловил его собственными глазами в реальном времени.

Хмурый режиссер велел всем расходиться по комнатам. Монтажеру тоже разрешили отложить работу и отправиться спать.

Проходя мимо Брата Ханя, Е Сы искоса взглянул на стоявшую за его плечом фигуру. Лицо призрака, до этого казавшееся матово-белым, прямо на глазах стало покрываться жуткими кровоподтеками у глаз и в уголках губ. Синяки стремительно наливались багровой синевой — следы жестоких побоев.

Она не отставала от Ханя ни на шаг, неотрывно созерцая его затылок. И в ее мертвом взоре уже не было прежней пустоты — там тлела глухая, затаенная злоба.

— Идем, — негромко окликнул его Дай Чжэ, заметив, что помощник отстал.

Е Сы спохватился. Опасаясь, что его замешательство привлечет ненужное внимание живых или, что еще хуже, мертвой женщины, он поспешно отвел взгляд и прибавил шаг, равняясь с Дай Чжэ.

Пока они поднимались по скрипучей лестнице, в его голове теснились вопросы. Почему призрак преследует именно Брата Ханя? И судя по всему, она увязалась за ним еще до того, как съемочная группа прибыла на эту локацию. Откуда взялись эти следы побоев на ее лице?

Но ведь она мертва. Физически причинить ей вред сейчас никто бы не смог.

«Значит, ее избивали при жизни...» — осенило его. Перед внутренним взором Е Сы снова и снова вставала эта картина: бледная кожа и наливающиеся темной кровью пятна вокруг глаз.

Уже в комнате Дай Чжэ, заметив глубокую задумчивость своего спутника, несколько минут молча наблюдал за ним. Наконец его привычная холодная маска дрогнула.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

Вздрогнув, Е Сы вынырнул из размышлений. Он поднял глаза на Дай Чжэ:

— Ты веришь в... сверхъестественное? В то, что наука объяснить не может?

Дай Чжэ на секунду замялся.

— Возможно, все действительно так, как сказал Хань, — медленно проговорил он. — Оптическая иллюзия, которую случайно поймал объектив.

Слово «возможно» прозвучало из его уст непривычно мягко. Похоже, он просто пытался успокоить Е Сы.

Е Сы прикусил губу. Ему безумно хотелось рассказать о том, что он видел собственными глазами, но в последний момент он промолчал, сочтя это слишком опасным.

Разговор сошел на нет. Они улеглись спать. Плотная занавеска на стороне Е Сы надежно закрывала окно, но сквозь щели все равно пробивалось призрачное серебристое свечение. Он тихонько отодвинул край ткани и, положив голову на подушку, устался на холодный диск луны.

— Что-то не так? — раздался из темноты голос Дай Чжэ.

Он страдал бессонницей и чутко реагировал на любой шорох, отчего всегда избегал делить с кем-то комнату.

— Все в порядке, ложусь, — прошептал Е Сы, отпуская занавеску и устраиваясь поудобнее.

Ночь вступала в свои права, кутая окрестности в плотный саван тумана под безучастным взглядом полной луны.

Несмотря на то что ужас с каждым днем все глубже пускал корни в души людей, человеческая натура поразительно живуча и адаптивна. Съёмочная группа, пусть и содрогаясь от каждого шороха, все же осталась на месте. Главным стимулом было то, что основная работа уже подходила к концу — оставалось отснять последнюю, финальную сцену.

Профессиональный перфекционизм и упрямство — страшная сила. В наше время сложно встретить человека без легкого невроза или синдрома навязчивых состояний, а в этой группе подобным недугом страдали решительно все. «Остался всего один эпизод, делов-то на полдня! Снимем — и сразу уносим ноги», — успокаивали они себя.

Но именно на финишной прямой все пошло наперекосяк.

Заминка вышла серьезная: актер второго плана угодил в больницу прямо перед завершением своих съемок. То нелепое происшествие, когда на него ни с того ни с сего обрушился реквизит, до смерти напугало парня. Одно упоминание злополучной локации бросало его в дрожь, так что о возвращении на площадку ради недоснятых дублей не могло быть и речи. Да и гипс на полтела не располагал к актерским подвигам.

А ведь по сценарию его персонажу предстояло совершить прыжок с крыши.

Подобные трюки и в обычных-то условиях заставляют изрядно понервничать всю съемочную группу, а уж когда речь идет о хорроре, да еще и в зловещих декорациях заброшенного здания — психологическое давление на дублера возрастает стократно.

В актерской среде из уст в уста передавали одну пугающую историю.

Когда-то знаменитый и невероятно талантливый актер, любимец публики, снимался в мистическом триллере. Его последней сценой тоже должен был стать прыжок с высоты. И именно во время этих съемок он погиб, сорвавшись вниз по-настоящему, оставив после себя лишь скорбь и нераскрытые тайны. Он шагнул в пустоту прямо с парапета того самого здания, где велась работа над фильмом.

Все грезили лишь об одном: отснять злополучный дубль, забросать вещи в фургоны и умчаться отсюда навсегда. Но где взять замену травмированному актеру? В этой глуши, затерянной среди лесов, посторонних лиц не встретишь, а привозить каскадера из города — слишком долго и дорого. Да и дурная слава места отпугнула бы любого здравомыслящего профессионала.

Режиссер рвал на себе волосы, а съемочная площадка погрузилась в уныние.

Дай Чжэ, как прагматик до мозга костей, в мистику не верил. Зато он был неисправимым трудоголиком. График его съемок и рекламных контрактов был расписан по часам на месяцы вперед. Малейшая задержка грозила сорвать лавину обязательств и нанести удар по его безупречной репутации пунктуального актера. А этого он допустить не мог.

— Е Сы, — Дай Чжэ отвел юношу в сторону и пристально посмотрел ему в глаза.

— Я! — Е Сы инстинктивно вытянулся в струнку.

Странное дело: стоило Дай Чжэ заговорить с ним, как Е Сы терял всякую волю к сопротивлению. Этот строгий, властный тон действовал на него отрезвляюще — точно так же, как в детстве, когда подруга детства Цинцин устраивала ему взбучку за очередную проказу.

— Я могу попросить тебя об одной услуге? — тон Дай Чжэ был предельно серьезным.

Казалось, от ответа Е Сы зависела судьба по меньшей мере всей киноиндустрии страны. Заразившись этой серьезностью, Е Сы выпрямился еще сильнее. Лишь его ахогэ продолжал нелепо покачиваться от легкого сквозняка.

— Выкладывай. Я выслушаю и подумаю, смогу ли помочь, — рассудительно ответил он.

Дай Чжэ одобрительно кивнул. Бездумное, поспешное согласие лишь разочаровало бы его. А вот такой взвешенный, серьезный подход пришелся ему по душе. Они стояли друг напротив друга в таком напряженном молчании, что со стороны их можно было принять за влюбленную

парочку во время тяжелого объяснения.

— Твое телосложение почти один в один совпадает с фигурой травмированного актера, — сразу перешел к делу Дай Чжэ. — Ты не мог бы подменить его в сцене прыжка?

Е Сы открыл было рот, собираясь тактично отказаться, но Дай Чжэ не дал ему вставить и слова. Обычно немногословный актер сейчас говорил непривычно быстро и горячо:

— Из-за срыва съемок сдвинется весь мой рабочий график. Я подведу людей, заработаю репутацию необязательного человека... Пожалуйста, выручи меня.

И Е Сы сдался.

Он был слишком мягкосердечным, к тому же Дай Чжэ всегда относился к нему хорошо. Е Сы прекрасно понимал, насколько важна для актера его карьера, и просто не нашел в себе сил ответить отказом на столь искреннюю просьбу. Стоило ему кивнуть, как холодность Дай Чжэ мгновенно улетучилась, сменившись едва заметным облегчением.

— Срочно ищите дублера! Хоть из-под земли достаньте кого-то с похожей фигурой! — надрывался режиссер в трубку.

Он обзванивал все агентства подряд, но тщетно. Каскадеры либо находились слишком далеко, либо наотрез отказывались ехать в это проклятое богом место, стоило им услышать адрес локации. Насильно мил не будешь, да и тащить кого-то против воли режиссер не мог.

В самый разгар его отчаяния к нему подошел Дай Чжэ, увлекая за собой Е Сы.

— Режиссер, Е Сы готов подменить актера в финальной сцене. Он выступит дублером.

— Он? Справится ли? — засомневался тот.

Е Сы на площадке знали исключительно как скромного помощника Дай Чжэ. Юноша держался просто, опыта съемок не имел — какой из него каскадер?

— Нам нужен только общий план со спины, — мягко настаивал Дай Чжэ. — Лицо в кадр не попадет.

— Ну, не знаю... — Режиссер терпеть не мог халтуры, но, уловив умоляющие взгляды уставшей группы и вспомнив череду зловещих неудач, пошел на попятную. — Ладно. А ну-ка, повернись спиной, малый.

Е Сы послушно сделал несколько шагов вперед и развернулся. Режиссер прищурился. Сходство и впрямь было поразительным — со спины не отличить.

— Отлично! Годится! Гримеры, живо подготовьте парня!

Обрадованная толпа мигом увлекла Е Сы за собой. Гример на ходу принялась припудривать ему лицо.

— Да ладно вам, все равно ведь со спины снимаем, зачем лицо-то красить? — попытался уклониться Е Сы.

— Надо, надо! Порядок есть порядок! — безапелляционно отрезала девушка.

Наконец костюм был подогнан, волосы уложены, а грим завершен. Но стоило Е Сы приблизиться к краю площадки, как его колени предательски задрожали. И пугала его вовсе не высота, а десятки устремленных на него восторженных, сияющих надеждой взглядов.

Чувствовать себя мессией в глазах измученных людей — груз непосильный.

Окруженный небывалым вниманием и заботой, он в сопровождении толпы поднялся на крышу заброшенного здания.

— Приготовиться к съемке! — зычно скомандовал режиссер в рупор, взобравшись на складной стул.

Площадка мгновенно опустела — каждый поспешил занять свое рабочее место. В этом кадре Е Сы предстояло играть в полном одиночестве; остальных участников сцены должны были добавить уже на монтаже с помощью графики.

Лицо режиссера оставалось хмурым. Если бы не панический страх перед этим проклятым зданием и не глухой ропот измотанной команды, он ни за что не доверил бы столь важный дубль дилетанту. Едва сдерживая раздражение, он приготовился прервать съемку в любую секунду.

Но стоило прозвучать команде «Мотор!», как режиссер замер от удивления. Этот парень обладал редким, интуитивным талантом.

Е Сы мгновенно преобразился. Казалось, он полностью растворился в роли, отгородившись от съемочной группы невидимой стеной. Точно следуя тексту сценария, юноша медленно, шаг за шагом приближался к самому краю крыши.

И в его устремленном в пустоту взгляде сквозило леденящее душу равнодушие.

<http://bllate.org/book/19925/2040184>